
TONY TYLER
ПЕСНЬ БОГА СМЕРТИ
АКТ 1.
ОБЕТ
18+

TONY TYLER
ПЕСНЬ БОГА СМЕРТИ. АКТ 1. ОБЕТ

https://litres.ru/74098471
SelfPub; 2026

Аннотация

Он обещал вернуться. Он ещё не знает, чего это будет стоить.

Гражданская война перемалывает Империю в фарш. Майор Туони Вий, бывший солдат, а ныне муж и отец, думал, что его битвы остались в прошлом. Но древний долг, скреплённый кровью и магией Немезиды, вырывает его из дома и бросает в пекло осаждённого Варбурга.

Чтобы сдержать слово и защитить семью, Туони придётся жертвовать всем: друзьями, верой, остатками человечности. Но чем дальше он заходит, тем яснее понимает: на этой войне сражаются не только армии. За спинами генералов и политиков шевелятся иные, куда более древние и безжалостные силы, для которых участники этого конфликта — лишь пешки в большой игре.

И когда на поле боя, залитом кровью его соратников, Туони достигнет предела отчаяния, он услышит вопрос, на который у него нет ответа: «Что ты готов отдать за своё обещание?»

Содержание

ПРОЛОГ. ПРИТЧА О ПУСТОМ ТРОНЕ 4
ГЛАВА 1. ПРЕДВКУШЕНИЕ ПЕПЛА 10
ГЛАВА 2. ИНЖЕНЕРЫ РАЗРУШЕНИЯ 21
Конец ознакомительного фрагмента. 22

TONY TYLER
ПЕСНЬ БОГА СМЕРТИ. АКТ 1. ОБЕТ

ПРОЛОГ. ПРИТЧА О ПУСТОМ ТРОНЕ

Апрель 7495 года. Где-то у врат Рая (так, во всяком случае, гласила табличка, которую никто не читал).

Ветер звучал неправильно. Он не выл и не стонал, как положено ветру на вершине мироздания. Он скрипел. Знаете этот звук? Звук половицы в коридоре, где ты жил в детстве, той самой, которую отец всё собирался прибить, да так и не собрался — теперь отца нет, а половица всё скрипит, и будет скрипеть, когда не станет тебя. Вот такой был ветер. Нудный, сводящий скулы.

Туони сидел на ступенях. Они были белыми — или когда-то были белыми, — а теперь их покрывал толстый слой серой, мягкой пыли, какая собирается в комнатах мертвецов, куда никто не заходит зажечь свет. Пыль оседала на руках Туони, смешиваясь с бурой коркой на костяшках. Сажа? Грязь? Чужая кровь? Он не мог вспомнить, а если честно,

ему было плевать. Прошлое стало зарубцевавшейся раной, которая чешется, но уже не болит.

У подножия лестницы лежал мёртвый зверь. Ни лев, ни бык — какая-то чудовищная помесь, которую природа не создавала, а если и создавала, то в очень плохом настроении. Его грива спеклась в жёсткие, острые сосульки, похожие на шлак, который выгребают из доменной печи. Помутневшие глаза зверя смотрели мимо Туони, туда, где валялась золотая арфа с обвисшими, как бельевые верёвки, струнами.

Рука сама нашарила рукоять. Холодную, шершавую, как черенок лопаты, которой ты выкопал уже двенадцать могил и сейчас будешь копать тринадцатую. На рукояти темнело пятно. Может, клеймо оружейного мастера. Может, запёкшаяся кровь. Туони не помнил, чья. Перед глазами всплыл образ: поле боя, сера, женщина в чёрном… Или, может, ему это приснилось?

Оружие лежало на коленях. Чёрное, поглощающее свет. Зеленоватые прожилки пульсировали, как плесень на стене сырого подвала. Это была Смерть. Оружие Смерти. Тяжёлое. Не физически — оно весило не больше старого дробовика, — оно давило метафизической тяжестью его грехов. А грехов набралось много. Целый товарный состав.

Перед глазами встали лица. Лорри, вся в слезах. Сет, с перекошенным гримасой — такой, какая бывает у человека, понявшего, что сейчас он умрет. Бун. Шныг. Он попытался разжечь в себе ту самую ненависть, которая вела его через

океаны крови. Но вместо огня — только холодный серый пепел остывшего костра.

В памяти всплыло другое: кладбищенская тишина над телом Буна. Как он стоял над верным другом и смотрел в его открытые, остекленевшие глаза. В них застыл немой вопрос: «Командир, ты же обещал, что мы победим? Обещал ведь, да?» — Туони закрыл ему веки. Пальцы дрожали. Именно тогда, в груди что-то щёлкнуло в последний раз и смолкло. Но сердце продолжало стучать, тупой метроном. Сломалось что-то другое, чему он раньше не придавал значения. Душа.

Один из ангелов лежал ближе прочих. Совсем мальчишка, если у бесплотных вообще бывает возраст — на вид ему было лет пятнадцать. Крыло сломано в трёх местах торчало нелепо. Перья, когда-то белее первого снега, свалялись в комья, пропитанные чем-то бурым. Сияющие одежды были прожжены, но всё ещё сияли слабым, болезненным светом застиранной простыни, забытой на солнце.

Туони смотрел на его лицо. Застывшее. Прекрасное. Чужое. Ангел не обращал внимания на дыру в боку, из которой уже почти перестало сочиться. Он смотрел на свои ладони. Долго. Так, будто видел их впервые. Перевернул. Осмотрел с другой стороны. Потом перевёл взгляд на каменный пол, словно искал, обо что их вытереть. Но ладони были чисты. Без единого пятнышка.

В этом был весь ужас. Весь, мать его, ужас. Он умирал с чистыми руками. А Туони — нет.

Веки Туони опустились. Перед внутренним взором пронеслись образы. Не великие битвы. Не падение Императора. Нет, не они.

Завтрак с детьми. Тим карабкается на колени, пачкая скатерть джемом, его липкие пальчики тянутся к отцовскому лицу. Дана взахлёб рассказывает о книжке, которую прочла, и её голос — как ручеёк, чистая вода. Тепло руки Лорри в его руке, маленькая родинка на запястье, которую он так любил целовать…

Хруст.

Туони открыл глаза. Ангел шевельнулся. Попытался опереться на локоть — локоть подломился с влажным, отвратительным хрустом, как переломанная спичка. Глаза, цвета мутного, засахарившегося мёда, уставились на Туони. В них плясали боль и невыразимая, бессильная ярость.

— Ты… обречён… — голос был похож на треск разрываемой мешковины. Такой звук издаёт горло, когда связки повреждены и наполняются кровью. — За то… что сделал… тебя ждёт лишь тьма… и одиночество…

Туони поднялся. Колени хрустнули. Совсем как у отца, когда тот вставал с корточек после возни в огороде. Тень упала на сияющее лицо ангела.

— Я готов с этим примириться, — сказал Туони. Собственный голос прозвучал хрипло, как будто он им давно не пользовался.

— Глупец! — ангел дёрнулся, но смог лишь приподнять голову на пару дюймов, прежде чем она снова упала на камень. Звук словно удар куска мяса о разделочную доску. — Тебе ещё предстоит осознать масштабы совершённой ошибки! Отныне не будет места, где бы твоя душа смогла найти покой!

Туони посмотрел на него. Без ненависти. Почти с любопытством, с каким разглядывают дохлую кошку на обочине. А потом его губы разошлись в улыбке. Самой одинокой улыбке во всей этой пыльной вечности.

— Кажется, ты не понял, — тихо произнёс он. Голос был почти ласковым. — У меня больше нет души.

Он поднял Оружие Смерти. Оно загудело, как оголённый провод под напряжением, как старый трансформатор в дождливую ночь. Зеленоватые прожилки вспыхнули ядовито-тускло — как светлячок в банке, которого забыли покормить и он вот-вот сдохнет.

— Я её потратил.

Раздался выстрел. Глухой, как удар кулаком в подушку. Ангел рухнул обратно на камни. Свет в его глазах погас мгновенно, как перегоревшая лампочка. Осталось лишь ещё одно безжизненное тело на ослепительно-белых, покрытых пылью ступенях. Плюс одно. Какая разница?

Оружие опустилось. Он выдохнул. Снова заскрипел ветер — на этот раз насмешливо, будто смеялся над ним. Спина — к разрушенным Вратам. Лицо — к бесконечной лестнице,

уходящей вниз, туда, где в дымке терялся мир.

Он ступил на первую ступень, но остановился. Здесь у него ещё были незаконченные дела. В военных ботинках, в пропылённой одежде, с разбитым сердцем и лёгкой душой. Может без неё проще?

А где-то там внизу, за миллиарды ступеней отсюда, в просторной гостиной за столом была собрана вся его семья — каждый на своём месте.

ГЛАВА 1.
ПРЕДВКУШЕНИЕ ПЕПЛА

Последние числа февраля 7493 года. А может, первые числа марта. Никто в Дармштадте уже не следил за календарём с той тщательностью, с какой следят в мирное время. Календарь — вещь для людей, которые строят планы. А планы теперь строила только война.

Шёл второй год. Для одних — гражданской, для других — освободительной, для третьих — просто «эта проклятая мясорубка, чтоб её». Туони провёл всё это время дома — небольшой одноэтажный, зелёная черепичная крыша, печная труба, которая дымила ровно и уютно. Дармштадт, городок под Варбургом. Здесь он ел, спал, любил жену, растил детей и считал, что долг исполнен. Он честно отвоевал своё и теперь имеет право на тишину. Так он думал. Люди часто думают глупости, особенно насчёт тишины.

Курьер приехал на мотоцикле с коляской. Мотоцикл кашлял сизым дымом, курьер был молодой, с прыщавым кадыком и глазами человека, который развозит повестки уже вторую неделю и больше не пытается шутить. Он протянул конверт. Туони взял его — бумага была серая, казённая, но внутри лежало что-то тяжёлое.

Он вскрыл конверт на кухне. Лорри стояла у плиты и не

оборачивалась, но спина её напряглась — так напрягается спина кошки, когда в комнату входит чужой.

В конверте было две вещи. Записка от Нома Лексенроя — короткая, как плевок: «Сет Куцак идёт на Варбург. Я использую право призвать тебя. Останови его». И кулон Немезиды. Тяжёлый и охолоделый, как кусок железа во льду. Туони сжал его в кулаке, и быстро спрятал в карман штанов, так что никто из семьи не заметил. Металл обжёг ладонь — не холодом, а памятью. Памятью о клятве, данной давно и, как ему казалось, навсегда закрытой. Клятвы не закрываются, пока не заплатишь долг. Они лежат, как мины, и ждут своего часа.

После этого дом перестал быть убежищем. Он стал местом, откуда уходят.

Утром они ели в тишине. Знаете эту тишину? Она не пустая. Она полная, как лёгкие перед криком. Лорри испекла лепёшки из последней белой муки — берегла для такого дня. Лепёшки получились пышные, с золотистой корочкой, и пахли так, что у любого нормального человека потекли бы слюнки. Туони смотрел на свою лепёшку и не мог проглотить ни куска. Ком стоял в горле — твёрдый, горячий, размером с кулак.

Тим, пятилетний, крошил на стол — просто потому, что так делают все пятилетние дети во всех мирах, где ещё есть завтраки. Дана, тринадцатилетняя, аккуратно подбира-

ла крошки пальцем и отправляла в рот. Этот жест — палец, касающийся стола, потом губ — был таким знакомым, таким домашним, что у Туони защемило где-то под грудиной. Он знал: этот вкус — тёплого хлеба, топлёного масла, безопасности — станет воспоминанием. Призраком вкуса, который будет приходить к нему по ночам.

Лорри поймала его взгляд. Ничего не сказала. Только подлила ему чаю — молча, как солдат, выполняющий последний долг перед отправкой на фронт. Чай был горячий, пар поднимался к потолку и таял.

На крыльце ветер ударил в лицо — влажный, пахнущий землёй, печным дымом и чем-то ещё, металлическим, похожим на запах крови, хотя кровью пока не пахло. Пока. Ветер пах порохом. Он рванул волосы Туони, словно подгоняя: «давай, давай, чего ты ждёшь, время не резиновое».

Туони стоял, вцепившись в одну из деревянных колонн, державших крыльцо. Пальцы побелели от напряжения. Он не мог их разжать. Казалось бы — просто пальцы, просто косяк. Но мышцы не слушались. Тело умнее головы. Тело знало: один шаг — и тепло дома останется позади, а впереди будет холод войны. Холод особого рода — не тот, что снаружи, а тот, что селится в костях и не выходит годами.

Минуту назад он сказал: «Я вернусь. Я обязательно вернусь». Слова всё ещё висели в воздухе, густые и липкие, как

сосновая смола. Он чувствовал их вкус на языке — вкус лжи. Не лжи намерения. Он и вправду собирался вернуться. Это была ложь надежды. Надежды на то, что мир, в который он выходит, оставляет место для таких, как он. Для людей, которые дают обещания и верят, что смогут их сдержать. Мир не оставляет. Мир перемалывает обещания в труху.

— Туони...

Голос Лорри. Он обернулся.

Она стояла в дверном проёме, обхватив себя за плечи, хотя холодно не было. Февраль в Дармштадте мягкий — плюс пять, может, семь. Но она держала себя так, будто её пробирает ледяной ветер. Её лицо, обычно мягкое и спокойное, сейчас будто треснуло изнутри — она пыталась собрать его в прежнюю форму и не могла. Слёзы уже проложили две блестящие дорожки по щекам.

— Ах, ты не собираешься!.. — её голос сорвался на высокой ноте. Не крик — визг. Визг раненого животного. — Как ты можешь так говорить? Неужели всё это для тебя настолько важно? Важнее всего на свете? Важнее нас?

Она сделала шаг вперёд, и он увидел за ней детей. Дана прижимала к себе Тима — одна рука поперёк его груди, вторая на плече. Тринадцать лет, а взгляд взрослой женщины. Взгляд, который резал Туони больнее любого клинка. Тим ничего не понимал — ему было пять, он просто чувствовал: что-то не так, мама кричит, папа стоит в дверях с чужим лицом.

— Ном тобой манипулирует, неужели ты этого не видишь?! — Лорри перешла на шёпот, и от этого шёпота стало страшнее. Крик можно заглушить. Шёпот просачивается сквозь любые стены. — Он ослеплён мечтами о только ему ведомом «великом будущем», он тебя ослепил! А ты, как глупый мальчишка, готов броситься в самое пекло, оправдывая это честью и чувством долга!

Туони до последних дней своей жизни не расскажет ей, почему пришлось поступить именно так. Он ответственен за свои поступки, и никогда не допустит, чтобы чувство вины хоть на толику вгрызлось в мысли Лорри. Пускай он лучше будет идеалистом в её глазах, чем так.

Она приблизилась вплотную. Он почувствовал тепло её дыхания — утренний чай, мята. Мята, которую она собирала позапрошлым летом, когда войны ещё не было.

— А что будет с нами? Каждый раз, когда ты уходишь, моё сердце обливается кровью... Ты нас... ты просто... тебе всё равно, да?

Эти слова ударили его с такой силой, что он отшатнулся. Физически. Плечи дёрнулись назад, ноги сами сделали полшага. Где-то на периферии зрения он видел солдат у бронетранспортёра. Они смотрели в сторону. Делали вид, что не слышат. Но их спины были слишком прямыми, плечи слишком напряжёнными. Они были свидетелями. Свидетелями того, как разрывают его мир на части.

— Прошу, не будь такой жестокой, — его голос прозву-

чал глухо, как из бочки. Он сам едва узнал его. — Ты ведь знаешь, что дороже вас под этим небом для меня нет ничего на свете.

Он посмотрел на детей, стоявших позади матери и не показывающих своим видом, что слышат каждое невыносимое слово.

Тим хлопал глазами. Дана не отводила взгляда. Ради этого взгляда он и шёл. Чтобы он никогда не стал взглядом раба или трупа.

Но сейчас я не могу отступить. Цена слишком высока.

Цена. Он подумал не о Варбурге. Не о Тайлергарне. *Он подумал о мальчишке из Фалькенхайна. Двенадцать лет, может, одиннадцать. Он стоял у стены расстрелянного дома — просто стена, даже крыши не осталось — и смотрел, как имперские солдаты, солдаты, которыми тогда командовал сам Туони, уводят его мать. В его глазах не было слёз. Не было ненависти. Только пустота — глубокая, как шахта, в которую проваливается всё человеческое. Туони тогда отвернулся. Отвернулся, потому что не мог смотреть. Но предпочёл действие смирению.* И теперь понимал: если он не остановит Сета, этот взгляд поселится в глазах Тима. И Даны. И Лорри. И этого он не переживёт. Лучше умереть.

Красиво. Складно. Ложь. Удобная ложь, в которую почти веришь, пока не вспомнишь тяжесть кулона в кармане. Он шёл не поэтому. Не только поэтому. Но так было легче. Так не надо было объяснять.

Он обнял её. Она не сопротивлялась, но тело было напряжено, как рояльная струна, которую перетянули на октаву выше положенного. Он чувствовал, как она плачет — беззвучно, одними слезами. Слёзы пропитывали ткань его мундира, тёплые, солёные.

— Я слышала, что говорят люди... — прошептала она ему в грудь. — Сет ведёт войска прямо сюда. Варбург падёт, а ты погибнешь. Я чувствую это...

Это не была истерика. Голос звучал плоско, буднично — так она когда-то сказала ему, что беременна Данной. Не предположение. Констатация. Она видела не образ его смерти, а дыру в ткани их жизни — дыру, которая уже зияла. Её невозможно было залатать обещаниями. Обещания — это заплатки на ветру.

— Пойми наконец, только я в силах его остановить... — он гладил её волосы. Рука онемела. — Больше некому. Захватив Варбург, ему откроется прямой путь на Тайлергарн, перед этим он перепашет Дармштадт, а потом и то, что осталось от Империи, будет окончательно разрушено. Поэтому я не могу остаться. Я не могу допустить, чтобы он навредил тебе или детям. Я не позволю. Никому этого не позволю.

Он отпустил её и взял её лицо в ладони — осторожно, как берут дорогую фарфоровую чашку, на которой трещина.

— Тебя убьют. Ты уже не вернёшься... — в её глазах стояла уверенность. Уверенность в пророчестве, которое она только что изрекла, и от этого пророчества веяло холодом

склепа.

— Даю тебе слово, родная. Что бы ни случилось, что бы ни произошло, я вернусь. — он смотрел ей прямо в глаза. — И даже смерть не сможет мне в этом помешать.

Он сам почти поверил. Почти.

Дети подошли к Лорри и обняли ее, Тим за ногу, Дана за талию. С улицы донёсся отдалённый грохот — не гром, нет. Тяжёлый транспорт на главной дороге города. Гусеницы перемалывали асфальт где-то за горизонтом. Лорри вздрогнула и прижала к себе Дану — рефлекторно, как при звуке взрыва. Этот звук стал частью их жизни за последние месяцы, как шум реки или ветер в трубе. Но сегодня он резал слух, как нож по стеклу.

Туони поймал взгляд своего старого сослуживца Буна у бронетранспортёра. Бун — здоровый, добродушный мужик, который обычно улыбался так, что уши разъезжались. Сейчас его лицо было каменным. Он смотрел в сторону, но Туони знал: Бун всё слышит. И молчит. Война уже была здесь. Она просто стояла за порогом, вежливо позволяя им попрощаться. У войны есть чувство юмора.

И у этой войны было своё звуковое сопровождение.

Из открытого окна кабины водителя, сквозь треск армейских глушилок, пробивался тяжёлый, вязкий гитарный рифф. Крутили новый подпольный сингл парней из «НА

ГРАНИ РАЗРЫВА» — группы, чьи пластинки правительство две недели назад приказало пустить под промышленный пресс. Водителю было плевать на цензуру политиков. А может, не плевать — может, он просто хотел услышать что-то живое перед тем, как умереть.

Трек назывался «Мертвый покой».

Название, от которого у Туони по коже пробежали мурашки — противные, колючие, как насекомые, — слишком сильно оно рифмовалось с тем колючим сквозняком, что только что дунул из уст Лорри. *Мёртвый покой*. Разве не этого он хотел для них? Запереть их в тишине, где нет выстрелов, нет танковых гусениц? Где они будут в безопасности — и где эта самая безопасность медленно, день за днём, будет вытравливать из их жизней всё живое?

Хриплый, рвущий связки голос вокалиста пробился сквозь рёв заводившейся бронетехники. Пробился своим тоном. Тоном человека, который уже не поёт, а выкрикивает правду, потому что молчать больше нет сил:

«Быть безопасным, значит не любить!..»

Слова ударили Туони в затылок. Как пуля, выпущенная откуда-то изнутри, из той части сознания, которую он запирал на замок последние два года. Он замер. Нога уже была занесена над подножкой бронетранспортёра — висела в воздухе, тяжёлая, чужая, — а он не мог ни опустить её, ни убрать обратно.

«Порвать любую связывающую нить!»

— Выключи эту ахинею! — рявкнул Туони водителю своим грубым командным голосом, который он дома не использовал.

Радиоприёмник замолчал.

Он опустил ногу на землю. Медленно, будто впервые учась ходить. Развернулся.

Туони присел на корточки. Уровень глаз — это важно. С детьми надо говорить на одном уровне, этому его научил отец. Он глянул на Тима, подхватил его под мышки и, преодолевая тяжесть в груди — а тяжесть была, ещё какая, словно кто-то залил грудную клетку свинцом, — поднял над собой. Высоко, как мог.

Тим замер на миг. А потом засмеялся. Звонко, доверчиво. Смех ребёнка, который не знает, что этот смех сейчас режет отца изнутри, как тупой нож. Смех — самая прекрасная и самая болезненная музыка в мире.

Туони, держа сына на одной руке, опустился на одно колено. Приблизился к Дане.

— Присмотри за мамой и братом, пока меня не будет, малышка, хорошо?

Она смущённо улыбнулась, глядя куда-то мимо его плеча.

— Да, папа. Хорошо.

Её улыбка была щитом. В её глазах, слишком взрослых для тринадцати лет, он прочёл не просто страх. Он прочёл понимание. Она уже знала цену словам. Знала, что взрослые иногда уходят навсегда. И её «Хорошо, папа» было не отве-

том ребёнка — это была клятва солдата, заступающего на пост. Она брала на себя его долг, и от этого ему хотелось выть. Но он не завыл. Он улыбнулся в ответ.

Он потянулся и привлёк к себе всех троих — жену, дочь, сына, прижавшегося к его шее. Вдохнул глубоко, пытаясь запомнить запахи. Мягкий лавандовый запах Лорри с оттенком дрожжей от утреннего хлеба. Чистый, простой запах детского мыла от Тима. Лёгкий аромат чернил и старой бумаги от Даны — она тайком читала его книги по тактике, думала, он не знает. Он знал. Он складывал эти запахи в потайной ящик памяти — один к одному, как складывают фотографии в жестяную коробку. Этот ящик он назвал «Дом». Туони захлопывал его, не зная, что следующее открытие может его опустошить.

Он не знал, что в этот момент создаёт для себя самое страшное оружие. Что это воспоминание станет клеткой, а его клятва — проклятием. Он просто держал их, самых дорогих людей, пытаясь остановить время. Время не останавливается. Время — сволочь.

Весна приближалась. Но пахла она не почками и не талым снегом. Она пахла страданием. И пеплом.

ГЛАВА 2. ИНЖЕНЕРЫ РАЗРУШЕНИЯ

За день до того, как курьер с прыща

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.